

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
БЛАГОДАРНОСТИ	7
I. ВВЕДЕНИЕ	9
II. ИДЕЯ СОВЕРШЕНСТВА	39
III. УПАДОК НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	74
IV. УНИВЕРСИТЕТ В ГРАНИЦАХ РАЗУМА	90
V. УНИВЕРСИТЕТ И ИДЕЯ КУЛЬТУРЫ ...	103
VI. ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА	115
VII. КУЛЬТУРНЫЕ ВОЙНЫ И КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	143
VIII. ПОСТИСТОРИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ	190
IX. ВРЕМЯ УЧЕБЫ: 1968 г.	212
X. СЦЕНА ПРЕПОДАВАНИЯ	236
XI. ОБИТАНИЕ НА РУИНАХ	262
XII. ДИССЕНСУСНОЕ СООБЩЕСТВО	282

ПРЕДИСЛОВИЕ

Билл Ридингс вносил в эту книгу последние правки, когда 31 октября 1994 г. катастрофа рейса 4184 авиакомпании «Америкен Игл» оборвала его жизнь. Я закончила корректуру, над которой работал Билл, взяв за основу его записи и наши многочисленные беседы.

Когда-то взаимное редактирование было для нас с Биллом лишь рядовым занятием. Тогда это не казалось чем-то экстраординарным и нуждающимся в обсуждении, чем-то таким, что может, как сейчас, указывать на грань между жизнью и смертью. С помощью правок и разговоров — со мной, с друзьями и коллегами, студентами — Билл пытался создавать возможности для совместного мышления.

Если бы я и могла рассказать что-нибудь о том, как возникала эта книга, как Билл представлял себе ее дальнейшую судьбу, то я бы остановилась на тех многочисленных разговорах, которые повлияли на нее, и на еще более многочисленных дискуссиях, которые, как он надеялся, она вызовет. Для Билла обитание на руинах Университета не было чем-то безмолвным. Речь — вызывающая согласие или несогласие, серьезная или веселая — была сутью его работы и мышления и желанным будущим для Университета.

Сказать, что с Биллом нельзя будет больше поговорить, — значит признать невыносимую окончательность его смерти, а назвать речь самой тканью данной книги — значит, возможно, сделать шаг к признанию уникальности голоса, места и времени, которая не могла бы сложиться нигде, кроме Университета.

Дайан Илэм
Монреаль, 1995

БЛАГОДАРНОСТИ

Вот почему трудное это дело быть добропорядочным [excellent], ведь найти середину в каждом отдельном случае — дело трудное...

Аристотель, *Никомахова этика*

Написание данной книги стало возможным прежде всего благодаря грантам Québec Fonds pour la Formation de Chercheurs et l'Aide à la Recherche¹ и Канадского совета по исследованиям в области социальных и гуманитарных наук. Помимо обеспечения инфраструктурной поддержки эти гранты позволили мне присоединиться к другим членам — студентам и преподавателям — исследовательской команды проекта «L'Université et la Culture: La Crise Identitaire d'une Institution»² в Университете Монреаля, а также предоставили бесценную возможность общаться с докладчиками, приглашавшимися группой. Основные идеи книги были сформулированы в ходе руководства полидисциплинарным семинаром по теме «La Culture et ses Institutions»³ в Университете Монреаля, поэтому я благодарен студентам, работникам факультета и членам университетского сообщества, принимавшим в нем участие. Мое стойкое ощущение актуальности вопроса об Университете как институте культуры имеет еще более давние истоки: впервые оно зародилось после многочисленных споров с бывшими коллегами по Университету Женевы и Сиракузскому университету. Приглашение, полученное мной от аспирантов факультета английской и сравнительной литературы Университета штата Нью-Йорк в Буффало, впервые заставило меня осознать, что у меня есть желание по-

¹ Квебекский фонд подготовки ученых и содействия научным исследованиям (фр.). — *Примеч. перев.*

² Университет и культура: кризис институциональной идентичности (фр.). — *Примеч. перев.*

³ «Культура и ее институты» (фр.). — *Примеч. перев.*

делиться некоторыми мыслями по данной теме. Дальнейшие продуктивные возможности проверить свой основной аргумент предоставили конференции в Университете Западного Онтарио, Университете штата Нью-Йорк в Стонибруке, Центре изучения трансформаций в области литературы и культуры при Университете Вирджинии, в Трентском университете, Калифорнийском университете в Ирвайне и Сан-Диего, Уэльсском университете в Кардиффе, Университете Стирлинга и Университете Женевы. Наконец, я хочу поблагодарить Жилия Дюпуи и Шона Сперви за составление указателя.

Первоначальные версии отдельных глав книги были опубликованы в следующих журналах, давших разрешение на их перепечатку: «Privatizing Culture» (Angelaki. 1995. No. 2); «The University without Culture» (New Literary History. 1995. Vol. 26. No. 3); «Dwelling in the Ruins» (Oxford Literary Review. 1995. Vol. 17. No. 1–2); «For a Heteronomous Cultural Politics» (Oxford Literary Review. 1993. Vol. 15. No. 1–2); «Be Excellent: The Posthistorical University» (Alphabet City. 1993. Vol. 3); «Identity Crisis: The University and Culture» (Association of Canadian College and University Teachers of English Newsletter. 1993. June).

Я не стал перечислять имена всех, кто повлиял на данную книгу, поскольку их чрезвычайно много и к тому же я сомневаюсь, не окажу ли им тем самым медвежью услугу. Однако я рискну упомянуть имя одного человека, который первым заставил меня осознать, что Университет мог бы быть местом мышления: Энн Вордсворт. Она обучала меня тому, что в Оксфорде называют критической теорией, и, работая по краткосрочному договору, проводила свои занятия в домике, расположенном в саду одного из кирпичных особняков Северного Оксфорда. Я посвящаю эту книгу ей.

I. Введение

Повсюду сетуют на «предательство» и «банкротство» проекта либерального образования¹. Преподавание, говорят нам, ставится ниже исследования, а исследование все меньше соответствует требованиям реального мира или уровню понимания «среднего читателя». И это не просто — как, похоже, убеждены некоторые профессора — ворчание бульварных журналистов, обиженных на то, что их не пускают в священные рощи академии. Не имея ни малейшего шанса попасть в факультетский комитет по замещению должностей, эти властители умов, гласит молва, просто вымещают на Университете свое разочарование, довольствуясь лишь огромным жалованьем и комфортными условиями труда. Однако причиной язвительных выпадов СМИ против Университета являются не индивидуальные обиды, а более общая неопределенность в отношении роли Университета и сущности стандартов, в соответствии с которыми его следует оценивать как институт. Не случайно в Северной Америке такого рода нападки усиливаются одновременно с изменением структуры академических институтов.

Дело не только в том, что профессорский корпус пролетаризируется, а количество кратковременных контрактов или контрактов с неполной нагрузкой в

¹ Одна из последних типичных публикаций озаглавлена «Банкротство образования: закат либерального образования в Канаде». Авторы книги, эпиграф к которой взят из Мэтью Арнольда, жестко критикуют канадскую систему среднего образования за отказ от «уникальной смеси англо-европейских влияний, включающих гегельянство и шотландскую философию здравого смысла», смеси, которая, по их словам, до сих пор отличала теорию и практику канадского образования. См.: *Emberley P.C., Newell W.R. Bankrupt Education: The Decline of Liberal Education in Canada.* Toronto: University of Toronto Press, 1994. P. 11.

ведущих вузах растет (с одновременным обособлением горстки высокооплачиваемых «звезд»)². Столь же неопределенным является и производство знания в Университете. Например, внутренняя борьба за легитимацию, связанная с характером производимого в гуманитарных науках знания, не достигла бы масштабов кризиса, если бы не сопровождалась внешним кризисом легитимации. Споры, ведущиеся внутри отдельных дисциплин относительно методов и теорий исследования, не попали бы в заголовки, если бы сегодня само понятие исследовательского проекта не оказалось проблематичным. Поэтому замысел настоящей книги состоит не в том, чтобы заставить Университет признать неминуемое отмирание старых парадигм исследования и преподавания вследствие новых теоретических открытий в физике элементарных частиц или литературоведении. В то же время эта книга не является и еще одной попыткой описать сеть конфликтующих и зачастую противоречивых переживаний, окружающих сегодня Университет. Скорее

² В качестве примера можно привести недавние события в Колледже Беннингтона, в котором «академическая реструктуризация» привела к незамедлительному увольнению 20 из 78 преподавателей. На их место планируется взять местных почасовиков, которые будут прикреплены к упрощенному «базовому факультету», состоящему из штатных профессоров. «Региональные музыканты», например, будут преподавать курсы инструментальной музыки. Кроме того, у новых работников не будет фиксированных сроков занимания должностей; «вместо этого профессора будут работать по индивидуальным контрактам разной продолжительности» (*Magner D.K. Bennington Dismisses 20 Professors... // Chronicle of Higher Education. 1994. June 29. P. A16*). **Как бы это ни называлось — сдельным трудом или нештатной работой, — общий смысл ясен: штатные сотрудники будут все больше вытесняться почасовиками.** Можно ожидать, что в более крупных исследовательских университетах США число таких почасовиков будет только увеличиваться, поскольку коллапс рынка труда вынуждает заменять аспирантов, работавших ассистентами преподавателей в рамках старой модели обучения, почасовиками (многие из которых имеют докторские степени).

я хочу провести структурную диагностику современных трансформаций институциональной функции Университета, чтобы показать происходящее на наших глазах размывание широкой социальной роли Университета как института. Больше уже не понятно, ни каково место Университета в обществе, ни какова истинная природа данного общества, и интеллектуалы не могут позволить себе игнорировать это изменение институциональной формы Университета.

Но сначала несколько предостережений. В настоящей книге я буду обсуждать исключительно западное представление об Университете, которое получило широкое распространение и современная мутация которого, похоже, продолжает определять параметры транснациональной дискуссии. Если при этом я уделяю особое внимание изменениям, происходящим сейчас в североамериканском Университете, то лишь потому, что процесс американизации нельзя понимать как простое расширение культурной гегемонии США. Я покажу, что «американизация» в ее нынешней форме является, по сути, синонимом глобализации, демонстрирующим, что глобализация — не нейтральный процесс, в котором на равных участвуют Вашингтон и Дакар. Обратной стороной этого является то, что в настоящее время Соединенные Штаты и Канада сами страдают от процесса поглощения транснациональным капиталом, называемого глобализацией. Это наглядно показано в документальном фильме «Роджер и я», рассказывающем о городке Флинт в штате Мичиган. Режиссер фильма, Майкл Мур, прослеживает полное обнищание некогда богатого Флинта в результате перетекания капитала в более рентабельные регионы — несмотря на то, что компания «Дженерал Моторс» находилась в относительно хорошем экономическом состоянии на момент закрытия завода. Последующее разорение Флинта (после безуспешных попыток превратить его в туристический объект за счет открытия тематического парка «Автомир») означает, что сегодня большинство новых рабочих мест — это

низкооплачиваемые места в индустрии услуг. Американизацией теперь следует называть не столько практику национального империализма, сколько повсеместное навязывание правила денежных отношений вместо идеи национальной идентичности в качестве детерминанты всех аспектов инвестирования в общественную жизнь. Иными словами, американизация означает конец национальной культуры.

Нынешнее изменение роли Университета обусловлено прежде всего крахом национально-культурной миссии, которая раньше обеспечивала его *raison d'être*³, и я покажу, что перспектива Европейского союза сулит такую же судьбу университетам не только в государствах ЕС, но и странах Восточной Европы, где различные проекты (вроде инициативы Джорджа Сороса) закладывают основания для аналогичного отделения Университета от идеи национального государства⁴. Словом, Университет становится институтом иного типа; он больше не связан с судьбой национального государства, так как перестает выступать в роли творца, защитника и распространителя идеи национальной культуры. Во всех уголках мира процесс экономической глобализации ведет к относительному упадку национального государства в качестве первичной инстанции воспроизводства капитала. Университет в свою очередь становится транснациональной бюрократической корпорацией, либо связанной с транснациональными инстанциями управления, такими как Европейский союз, либо функционирующей независимо по аналогии с транснациональной компанией. Недавно изданная ЮНЕСКО книга Альфонсо Борреро Кабалья «Университет как институт сегодня» прекрасно иллюстрирует те условия, в которых может происходить обретение статуса бюрократической корпорации⁵. Борреро Кабаль

³ Смысл существования (фр.). — Примеч. перев.

⁴ Неплохой общий обзор проекта Сороса содержится в: *Gessen M. Reaching to the Critical Masses // Lingua Franca*. 1994. Vol. 4. No. 4. May/June. P. 38–49.

⁵ *Cabal A.B. The University as an Institution Today*. P.; Ottawa: UNESCO and IDRC, 1993.

рассматривает в качестве центральной фигуры Университета *администратора*, а не преподавателя и осмысливает задачи Университета исходя из обобщенной логики «учета», согласно которой Университет должен стремиться к совершенству во всех аспектах своей деятельности. Текущий кризис Университета на Западе является следствием фундаментального изменения его социальной роли и внутренних систем, предполагающего утрату традиционными гуманитарными дисциплинами центрального места в жизни Университета.

Ставя столь широкомасштабный диагноз, я, конечно же, не учитываю процесс неравномерного и многостороннего развития, разную скорость, с которой дискурс совершенства вытесняет идеологию (национальной) культуры в различных институтах и странах. Например, Британская консервативная партия пытается сейчас внедрить единую форму «общенационального учебного плана», что можно понимать как шаг в направлении, противоположном тому, на которое указывают мои размышления о национальном государстве. Однако на самом деле предлагаемые в Британии образовательные «реформы» не опровергают точку зрения, которую я собираюсь отстаивать. Настоящая книга посвящена вопросу отделения *высшего* образования от национального государства, а указанный шаг будет, вероятно, лишь акцентировать структурные различия между средним образованием и университетами, особенно в том, что касается их связи с государством. Кроме того, тот факт, что столь старинное учебное заведение, как Новый колледж Оксфорда, начало включать слова о приверженности совершенству во все свои публичные высказывания, в том числе объявления о найме, кажется мне более показательным для долгосрочных тенденций в области высшего образования.

Помимо американизации, ослабляющей прямые связи Университета с национальным государством, в книге приоритетное внимание будет уделено гуманитарным наукам, позволяющим понять, что происходит в современном Университете. Такой акцент

требует нескольких предварительных слов в свое оправдание. Поскольку я решил сосредоточиться на понятии «культура», может сложиться впечатление, что гуманитарные науки — ключевое звено Университета, место, в котором Университет реализует свою общественно-политическую миссию. Это не так, по крайней мере по двум веским причинам. Во-первых, я не верю, что естественные науки являются позитивистскими проектами по нейтральной аккумуляции знания, тем самым принципиально защищенными от социополитических бурь. Как я покажу, упадок национального государства — а я убежден, что, несмотря на оживление разных форм национализма, национальное государство приходит в упадок — и конец Холодной войны оказывают существенное влияние на финансирование и организацию естественных наук. Во-вторых, разрыв между гуманитарными и естественными науками не столь абсолютен, как можно заключить, глядя на дисциплинарные перегородки внутри самого Университета. Естественные науки занимают свое зачастую чрезвычайно могущественное положение в Университете по аналогии с гуманитарными науками. Это особенно ярко проявляется в отношении источников нарративов, в терминах которых осмысливается педагогика. Например, когда я попросил одного лауреата Нобелевской премии по физике сказать, какова, с его точки зрения, цель высшего физического образования, он ответил, что она заключается в приобщении студентов к «культуре физики»⁶. То, что

⁶ Разумеется, это отсылка прежде всего к идеям Ч.П. Сноу, с беспокойством отмечающего, что «интеллектуальный мир в западном обществе... все сильнее раскалывается на две полярные группы»: «интеллектуалов-литераторов» и «ученых» (*Snow C.P. The Two Cultures and a Second Look. Cambridge: Cambridge University Press, 1957. P. 3–4*). В ответ на это разделение Сноу обоснованно утверждает, что «культура науки — подлинная культура не только в интеллектуальном, но и в антропологическом смысле» (p. 9), и призывает к диалогу между двумя культурами, основанному на взаимном уважении.

он заимствует идею Ч.П. Сноу, кажется мне совершенно здравым и обоснованным шагом, если учесть, что спорный статус физического знания — тот факт, что студенты изучают вещи, которые позже, при проведении собственных исследований, будут им не нужны, — требует использования модели знания как разговора в сообществе, а не простой аккумуляции фактов. Институциональный факт существования естественных наук в Университете следует понимать именно в рамках модели институционализации знания, блюстителями которой исторически были гуманитарные науки, в особенности факультеты философии и национальной литературы. В этом смысле общая нить моей аргументации, состоящая в том, что понятие культуры как легитимирующей идеи Университета эпохи модерна исчерпало себя, может применяться как к естественным, так и гуманитарным наукам, хотя именно в гуманитарных угроза делигитимации культуры воспринимается наиболее остро⁷.

Будучи преподавателем гуманитарного факультета (который, впрочем, мало чем напоминает факультет, на котором меня «готовили»), я написал данную книгу в силу глубоко двойственного отношения к институту Университета. Эта книга — попытка нащупать собственный путь, избегающий тупиков воинственного радикализма и циничного отчаяния. Я по-прежнему склонен в дискуссиях с коллегами употреблять фразы, начинающиеся со слов «В *настоящем* Университете...», хотя они знают — и я знаю, что они знают, — что такого института никогда не существовало. Это не было бы проблемой, если бы подобные апелляции к истинной природе института не перестали казать-

⁷ Безусловно, внутри Университета существуют и другие дисциплинарные деления, помимо деления на гуманитарные и естественные науки. Ниже я попробую показать, каким образом гуманитарные науки сумели в свое время предложить Университету столь влиятельные парадигмы деятельности.

ся мне искренними: мы больше не способны постичь Университет в историческом горизонте его самореализации. Университет, как я покажу, больше не участвует в историческом проекте человечества, который нам достался в наследство от Просвещения, — историческом проекте культуры. Это заявление в свою очередь тоже поднимает некоторые важные вопросы: мы наблюдаем зарю нового века Университета как проекта или закат его критической и социальной функции? И если это закат, то что он означает?

Некоторые назвали бы момент, на который я указываю, постмодерностью Университета. В конце концов одной из наиболее обсуждаемых книг по постмодерности является «Состояние постмодерна» Жан-Франсуа Лиотара — исследование, посвященное вопросам, которые постмодерность ставит перед легитимацией знания. Книга Лиотара прямо называется отчетом об Университете, написанным для правительства Квебека, отчетом, который, безусловно, разочаровал его заказчиков, несмотря на дальнейший успех. Лиотар утверждает, что его отчет написан «в очень постсовременный момент, когда... университет рискует исчезнуть»⁸. Вопрос постмодерна — это вопрос, стоящий как *перед* Университетом, так и *внутри* него. Однако поскольку постмодерн в целом перестал быть вопросом и превратился в еще одно алиби, от имени которого интеллектуалы обвиняют мир в несоответствии их ожиданиям, я предпочитаю отказаться от данного термина. Опасность очевидна: очень легко соскользнуть к высказываниям об Университете постмодерна, как если бы это был некий осязаемый институт, даже более новый и более критичный, чем Университет эпохи модерна. Я бы предпочел называть современный Университет постисторическим, а не «постмодерным», чтобы подчеркнуть тот факт, что данный

⁸ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1998. С. 13.

институт пережил себя, что теперь это осколок эпохи, на протяжении которой он определял себя в перспективе проекта исторического развития, укрепления и распространения национальной культуры.

Думаю, теперь понятно, что говорить об Университете и государстве — значит также рассказывать историю возникновения понятия культуры. Я покажу, что известные нам Университет и государство являются, по сути, институтами эпохи модерна и изобретение концепта культуры следует считать специфической реакцией на напряженные взаимоотношения этих двух институтов модерности. Но прежде чем у кого-то сложится превратное мнение, я должен сказать, что не собираюсь нападать на Университет. Я работаю в Университете (иногда мне даже кажется, что я живу в нем). Просто критиковать Университет — слишком легкое занятие, в котором вряд ли есть что-то новое. В конце концов специфика Университета эпохи модерна, основанного немецкими идеалистами, состояла именно в том, что он служил местом критики. По словам Фихте, Университет существует не для того, чтобы передавать сведения, а чтобы прививать способность критического суждения⁹. В этом смысле можно сказать, что любые критические выпады против Университета эпохи модерна являются внутривидовыми документами, не затрагивающими глубинную структуру институционализации мышления.

Кроме того, следует сразу отметить, что когда я говорю об Университете эпохи модерна, я имею в виду широко заимствованную немецкую модель, реализованную

⁹ *Fichte J.G. Plan déductif d'un établissement d'enseignement supérieur à fonder à Berlin (1807, опубли. в 1817) // Philosophies de l'Université: l'idéalisme allemand et la question de l'Université / Ed. L. Ferry, J.-P. Pestron, A. Renaut. P.: Payot, 1979. P. 172 (перевод мой. — Б.Р.). Немецкий оригинал («Deduzierter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt, die in gehöriger Verbindung mit einer Akademie der Wissenschaften stehe») доступен в: *Engel et al. Gelegentliche Gedanken über Universitäten / Ed. E. Müller. Leipzig: Reclam Verlag, 1990. P. 59–159.**

Гумбольдтом в Берлинском университете, модель, которая продолжала служить образцом в период послевоенной экспансии высшего образования на Западе. Мне кажется, сегодня мы наблюдаем закат данной модели в силу того, что Университет становится постисторическим. В этом контексте книга Аллана Блума «Конец мыслящей Америки» представляется мне более близкой к реальности, чем либеральная панацея Ярослава Пеликана, который в своей «Идее университета» призывает вернуться к утраченной миссии либерального образования¹⁰. За консервативной иеремиадой Блума по крайней мере стоит признание того, что автономия знания как самоцели находится под угрозой, поскольку больше не существует субъекта, способного воплотить данный принцип. Поэтому Блум постоянно высмеивает многие стороны университетской жизни, считая их непонятными и ненужными студенту (читай: молодому-белому-студенту-американцу-мужского-пола). Пеликан же, со своей стороны, предваряет книгу игрой слов, отсылающей к Ньюмену: он говорит, что «Идею университета» можно было бы вполне переименовать в «*Apologia pro vita sua*»¹¹. Эта игра слов вызывает у меня серьезные подозрения, поскольку я склонен согласиться с выводом Блума о том,

¹⁰ *Pelican J. The Idea of University: A Reexamination. New Haven: Yale University Press, 1992.* В книге утверждается, что Ньюмен был в основном прав и университетам нужно лишь немного подновить его идеи в соответствии с текущей ситуацией. В целом Пеликан убежден, что «укрепление единства человеческого рода является для университета и его ученых одновременно идеалом и фактом: фактом, без которого, как некоего предельного контекста, исследование того или иного конкретного и точечного феномена будет неизбежно искаженным, а также идеалом, который нельзя воплотить без исследования того или иного конкретного и точечного феномена» (р. 53). Разорвать данный герменевтический круг в рамках указанного единства должна, предположительно, религиозная вера. Нельзя не добавить, однако, что она мало что сделала для защиты жертв этноцентризма.

¹¹ «*Apologia pro vita sua*» (лат.) — «Апология моей жизни» — автобиографическое сочинение Джона Генри Ньюмена, опубликованное в 1864 г. — Примеч. перев.

что в истории, которую он называет «приключением либерального образования», больше нет главного героя¹² — ни героя-студента, с которого начинается действие, ни героя-профессора, которым все заканчивается.

Некоторое представление о том, как так получилось, дает книга Жака Барзуна «Американский университет: чем он живет и куда движется»¹³. Данная работа, опубликованная в 1968 г., была недавно переиздана издательством Чикагского университета — замечательный поворот судьбы для текста, который претендует на современность в 1990-е гг., хотя был заведомо устаревшим в момент своей первой публикации. В датированном мае 1968 г. послесловии к предисловию (довольно ироничное местоположение¹⁴) от января того же года Барзун отмечает, что он «не видит причин менять или дополнять содержание» текста, законченного за шесть недель до студенческих «беспорядков, парализовавших работу Колумбийского университета 23 апреля [1968 г.]» (р. xxxvi). Подобная безмятежность могла бы показаться странной для сочинения, в центре внимания которого находится вопрос о том, как действовать управленцу. Но она оказывается менее парадоксальной, когда мы осознаём, что выстраиваемый Барзуном нарратив — это нарратив воспитания просвещенного и либерального чиновника как нового героя рассказа об Университете. Например, Барзун открыто предлагает сформировать в Университете ав-

¹² Bloom A. *The Closing of the American Mind*. N. Y.: Simon and Schuster, 1987. P. 336.

¹³ Barzun J. *The American University: How It Runs, Where It Is Going*. 2nd ed. With an Introduction by H.I. London. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1993; впервые опубликовано в 1968 г. Далее при ссылках на текст будет приводиться только номер страницы; таким же образом я буду поступать и при обсуждении остальных работ.

¹⁴ О данной структуре см.: Elam D. *Romancing the Postmodern*. L.; N. Y.: Routledge, 1992. Автор убедительно демонстрирует проблематичный статус как послесловия, так и предисловия, а также тенденцию к их путанице, выступающую симптомом общей проблемы текстуальности.

тономную страту неакадемических администраторов, «второй слой»: «Приступив к работе в юном возрасте, эти мужи [*sic*] могут стать государственными служащими высшего ранга и снискать признание в качестве профессионалов, не занимаясь наукой; они могут обладать собственным авторитетом и в полной мере наслаждаться теми благами университетской жизни, которые ей, по общему убеждению, сопутствуют; к тому же они могут лучше всяких других посредников, человеческих или электронных, налаживать эффективное функционирование всей этой огромной машины» (р. 19). Центральная фигура Университета — больше не профессор, исполняющий одновременно роль ученого и преподавателя, а ректор, перед которым должны отчитываться и аппаратчики, и профессора. Разница между Барзуном и Ньюменом в том, что Барзун понял, в каком типе либерального индивида должен воплощаться новый Университет. Конечно, чиновник в свое время сам был студентом и профессором, но вызов современного Университета — это вызов, стоящий перед ним как перед *администратором*.

Таковы истоки идеи совершенства, которую я обсуждаю в следующей главе. Впрочем, нужно отметить, что Барзун не испытывает необходимости обращаться к понятию совершенства и готов признать, что совершенство — лишь «призрак» (р. 222), в то время как спустя 25 лет Герберт А. Лондон в своем введении к новому изданию текста Барзуна с горечью констатирует, что «совершенство» теперь не столь *реально*, как во времена Барзуна (р. 222, *ref.*), поскольку произошел «фактический отказ от широко распропагандированной цели [достижения] совершенства» (р. xxviii). Поэтому мы можем сказать, что Барзун — это своего рода Иоанн Предтеча совершенства, подготавливающий путь новому закону («совершенству») на языке старого («стандартов»), тогда как Лондон — это св. Павел, говорящий нам, что новый закон будет эффективен, только если соблюдать его столь же неукоснительно, как и старый. Со времен Христа дела пошли заметно

быстрее: время исполнения мессианского пророчества сократилось теперь с 35 до 25 лет¹⁵.

Если сравнивать Барзуна с нашими современниками, обращающимися к нему, то я бы прежде всего обратил внимание на тон, отличающий книгу Барзуна (и Пеликана) от обличений Аллана Блума или даже Герберта Лондона, вновь представляющего работу Барзуна в 1993 г. В глаза бросается исчезновение сладкозвучной помпезности, свидетельствующей о полнейшем самодовольстве. Ее место занимают ядовитые жалобы. Особенно ярко это проявляется в вопросе сексизма. В своем тексте Барзун постоянно обозначает профессоров метонимом¹⁶ «мужи». Приведу в пример описание Барзуном незавидной участи молодого аспиранта: «После сдачи устных экзаменов нужно писать диссертацию, при этом не важно, как и о чем, главное — побыстрее. Многие темы — как назло! — требуют поездки в Европу или другие зарубежные страны. Фулбрайт, дети, работающая (или тоже учащаяся в аспирантуре) жена, внеурочное корпение в библиотеке, чтение на неродном языке — настоящий кошмар» (р. 228). Если Барзун с некоторым колебанием признает, что женщины способны успешно выполнять в Университете секретарскую работу и, может быть, даже проводить аспирантские исследования, готовясь таким образом к воспитанию детей своих спутников-мужчин, то Блум и Лондон полагают, что неистовые гарпии ставят их Университет на грань развала¹⁷. Там,

¹⁵ Имеется в виду пророчество Иисуса Христа, который (вслед за пророком Даниилом) предрек падение Иерусалима через 35 лет после своей смерти. — *Примеч. перев.*

¹⁶ Метоним — слово, замещающее другое слово и обозначающее предмет или явление, связанное с предметом или явлением, обозначаемым замещаемым словом. — *Примеч. перев.*

¹⁷ «Бесперебойное функционирование факультета лучше всего обеспечивает административный помощник, обычно женщина» (р. 103). Напомню, что в тексте деканы-чиновники обычно называются мужами, и не стоит забывать, что родовая форма «муж» (man) не столь инклюзивна, как обычно заявляют противники феминизма.

где Барзун видит легкомыслие, называя его «блажью», Лондон видит «осквернение» (р. xxviii). Хотя книги об Университете, авторы которых (мужского пола) отличаются безграничным самомнением, пишутся до сих пор (пример тому Пеликан), налицо значительные подвижки. Причина не в том, что мы живем в более беспокойное время; в конце концов Барзун заявляет, что его не волнуют события 1968 г. Проблема, мучающая как Блума, так и Лондона, состоит скорее в том, что никто из нас не может всерьез представить себя героем повести об Университете, примером образованного индивида, над производством которого день и ночь трудится вся эта гигантская машина.

Мое нежелание прибегать к тому самодовольному тону, который, похоже, был по нраву многим моим предшественникам, продиктовано не личной скромностью. Ведь я не стал дожидаться завершения своей карьеры, чтобы написать книгу об Университете. Что действительно важно — и что определяет тон нынешних диатриб — это то, что великий нарратив Университета, вращающийся вокруг производства либерального, рассудочного субъекта, больше нам не доступен. Поэтому мне не имеет смысла ждать. Я не собираюсь становиться Жаком Барзуном; университетская система больше не нуждается в подобного рода субъектах. Либеральный *индивид* уже не способен метонимически воплотить данный *институт*. Никто из нас сегодня не считает себя всерьез субъектом, занимающим центральное положение в нарративе университетского образования. Показательными случаями здесь выступают феминизм, ведущий к радикальному осознанию гендерных различий, и формы анализа, привлекающие внимание к тому, каким образом раса дифференцированно отпечатывается на телах. Старая гвардия борется с феминизмом и подобными разновидностями анализа, поскольку они напоминают ей о том, что индивидуальный профессор не способен олицетворять Университет, так как любое конкретное

тело все равно будет не универсальным, а отмеченным гендером и расой.

Однако в сложившейся ситуации я не призываю отказаться от Университета и не предлагаю вместо этого погрузиться в циничное отчаяние. В настоящей книге я буду обсуждать, каким образом мы можем заново осмыслить Университет в ситуации, когда история либерального образования утратила свой организующий стержень, т.е. идею культуры, выступавшую предметом, истоком и целью гуманитарных наук. Я ощущаю эту утрату еще глубже оттого, что Университет, в котором я работаю, занимает сегодня особое положение. Это положение может показаться анахроничным тем, кто не понимает, что Квебек, как и Северная Ирландия, представляет собой особый регион на территории группы индустриализированных стран «большой семерки», регион, в котором национальная государственность по-прежнему является животрепещущим политическим вопросом, а не остаточным придатком все более интегрирующейся глобальной экономики. Университет Монреаля — это флагман квебекской культуры, который лишь недавно заменил церковь в качестве первичного института, отвечающего за франкофонную культуру в Северной Америке. Работа во флагманском Университете национального государства (в особенности только становящегося) дает огромное преимущество, поскольку нашей преподавательской и исследовательской деятельности лишь предстоит полное поглощение игрой рыночных сил; пока еще ту и другую не нужно оправдывать исходя из оптимальной эффективности или прибыльности капиталовложений.

Я чувствую это столь остро еще и потому, что мне довелось работать в Сиракузском университете, который заявляет о своей полной ориентации на рынок, получившей у администрации название «стремление к совершенству». Тогдашний ректор Мэлвин Эггерс неоднократно описывал Сиракузы как агрессивный ин-

ститут, строящийся по модели корпорации, а не прячущийся за стенами из слоновой кости. Любопытно, что во время моей работы в Сиракузах символ Университета подвергся изменению. Вместо академического герба с латинским девизом, который печатался на университетских бланках и других документах, был разработан новый «корпоративный» логотип, а герб начал использоваться исключительно в официальных академических документах, например в дипломах. Мне это кажется прямым симптомом переопределения концепции Университета и превращения его в корпорацию, одной из функций (продуктов?) которой является присуждение степеней, носящих культурный отпечаток, но, по существу, являющихся не культурными, а корпоративными.

Однако анализировать Университет исключительно в терминах культурного капитала — значит упускать из виду тот момент, что сегодня это лишь одна из областей деятельности. Риторический отказ Сиракуз от символического капитала в пользу «балансового» учета (который определяет процесс принятия решений администрацией, а также корпоративный исполнительский этос, исповедуемый деканами) привел (что не удивительно) к тому, что процент бывших выпускников, жертвующих на нужды Университета, стал значительно ниже, чем в аналогичных вузах, поскольку все аспекты жизни студентов заставляли их относиться к себе как к потребителям, а не членам сообщества. Например, в 1990 г. «официальная» майка выпускника продавалась студентам со значительной наценкой, и многие, с кем я разговаривал, видели в этом попытку вытянуть из них дополнительные деньги по окончании обучения. Студентов на каждом углу призывали покупать знаки символической принадлежности (поэтому в университетских книжных киосках значительное место было отведено для стеллажей с вещами, увенчанными университетским логотипом, как в Диснейленде). Такая овеществленная принадлежность к

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru